

4. Рильке, Р. М. Новые стихотворения; Новых стихотворений вторая часть / Р. М. Рильке ; изд. подгот. К. П. Богатырев, Г. И. Ратгауз, Н. И. Балашов.— М., 1977.

5. Синило, Г. В. Рецепция библейских образов в лирике Рильке и Пастернака / Г. В. Синило // Славянские литературы в контексте мировой : материалы Междунар. науч. конф. (Минск, БГУ, 25–30 октября 1993 г.).— Минск, 1994.— С. 167–171.

6. Синило, Г. В. Рильке / Г. В. Синило // Большой энциклопедический словарь / гл. науч. ред. и сост. С. Д. Солодовников.— Минск, 2002.— С. 692–694.

7. Rilke, R. M. Die Neue Gedichte; Der neuen Gedichte anderer Teil / R. M. Rilke. Leipzig, 1981.

Е. К. Сельченко

Минск, Белорусский государственный университет

Социокультурный потенциал гностических идей

Несмотря на то, что время расцвета гностицизма как течения (весьма пестрого и разнородного по своему составу) приходится на II–III вв. н.э., сами гностические спекуляции, характерные образы и идеи не прекратили своего существования вместе с распадом самого течения в ходе давления оформившейся ортодоксальной христианской церкви римского образца.

Гностицизм в силу специфики своего мировоззрения может быть причислен к элитарным религиям, потому по определению не мог стать массовым. Но его идеи остались востребованными в среде тех, кто противопоставлял себя общепринятой системе, будь то религиозная картина мира или политическое устройство государства. *«Гностицизм стал наиболее последовательным и непримиримым врагом каждого учения, которое довольствовалось существующими порядками или пыталось найти какое-либо компромиссное решение. В качестве компонента религиозного движения эпохи поздней античности за освобождение угнетенных он был гуманистичен и прогрессивен постольку, поскольку выступал с требованием полного уничтожения и преодоления старого порядка»* [3].

Л. Н. Гумилев определял гностицизм (а также все исторические производные от него — манихейство, павликианство, богомилство, альбигойство и т.д.) как антисистему. Под антисисте-

мой в данном случае понимается системная целостность людей с негативным мироощущением. *«До походов Александра Македонского эллины не знали иудеев, а иудеи не обращали внимания на “явана” — ионян. Зато в селевкидской Сирии и птолемеевском Египте они оказались соседями. Иудеи изучили Платона и Аристотеля, эллины — Библию в переводе на греческий язык. Оба этноса были талантливы и пассионарны, но из контакта их мироощущений возник гностицизм — грандиозная увлекательная антисистема»* [1, с. 270]. Для антисистемы характерно отрицание реального мира как сложной и многообразной системы во имя тех или иных абстрактных целей.

Традиционно выстраиваемая в исследовательской литературе «еретическая цепочка» преемственности выглядит примерно так: гностицизм — манихейство — павликианство — богомилство — альбигойская ересь и катаризм. Даже беглого взгляда на нее достаточно, чтобы заметить, что все эти учения в той или иной степени конфликтовали не только с официальной церковью, но и с официальной властью.

В силу внутреннего противопоставления ортодоксальному христианству и противостоянию, гностические идеи традиционно всплывали на поверхность в мощных политических протестных течениях и восстаниях.

Мы не будем вслед за Д. Ангеловым в духе классического марксизма трактовать еретические учения как политические движения униженных и оскорбленных [4, с. 180], поскольку французские и итальянские манихеи, именовавшие себя *«ткачами»* для свободного перемещения из города в город, были такими же *«ткачами»*, как масоны — *«каменщиками»*. Тем не менее, в самом гностицизме, воплотившемся впоследствии во всех этих учениях, есть идеи, предопределяющие их социальный потенциал. Этими определяющими характеристиками мы считаем специфический антикосмизм и эзотеризм, выражающийся в представлении о врожденном делении людей на «избранных» и всех остальных с тенденцией к образованию тайных обществ.

Антикосмизм — одна из характерных черт гностического мировоззрения. Гностики представляют Бога абсолютно надмирным, чуждым вселенной, которую Он не создавал и которой не управляет. Создатель тварного мира — Бог неистинный, злой, неправедный (в варианте богомилской ереси — Сатанаил). Поскольку

мир возник в результате ошибки, материя в гностицизме воспринимается как абсолютное зло, потому не может быть искуплена и очищена. Таким образом, любая власть и любой порядок данного мира (религиозный, этический, социальный, политический и т.д.) воспринимается как ложный, несправедливый, подлежащий уничтожению: *«Ведь если материя — зло, то любое истребление ее любой ценой — благо, будь то убийство, ложь, предательство... все это не имело никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все позволено»* [1, с. 273–274].

Гностики делили людей на «избранных» и неизбранных — на людей высшего сорта, «пневматиков» (обладающих «искрой» Истинного Бога и, соответственно, особыми правами), «психиков» (имеющих лишь шанс на спасение) и «соматиков» или «хиликов» (людей низшего сорта, обреченных на гибель, человеческое мясо). Это деление обостряется на эсхатологическом уровне, когда «духовные», сливаясь в Абсолютом, восстанавливают утраченное единство первоначала, а «душевные» и «телесные» уничтожаются вместе с материей. Этическим следствием гностических построений может быть как аскетизм, так и либертинизм.

Естественно, такой подход весьма способствовал формированию тайных обществ, где «посвященные» представляли себя как носителей истинного знания (истинных идей, истинной культуры и пр.), что уже само по себе имеет революционный потенциал. Они считали, что обладают особым знанием, которое не приобретается любым, кто пожелает, а доступно только посвященным как дар, как откровение. И уже само это знание-откровение (по сути сопоставимое с понятием «гносиса» в гностицизме) делало их существами высшего сорта, способными управлять другими.

Поскольку церковь и государственная власть всегда находились в тесном взаимодействии, а до начала Нового Времени и вовсе отождествлялись, любое еретическое движение автоматически оказывалось политическим, и наоборот. В результате «революционер»/«бунтарь» и «еретик» попали в одно семантическое поле и стали воспринимались как синонимы.

Так, преемница гностицизма через манихейство и павликианство — богомильская ересь — исходившая из того, что мир и человек сотворены Сатанаилом, не предлагала никаких концепций справедливого переустройства мира. Но ересь богомилов уже в первой трети X в. привлекла к себе внимание как церковной,

так и светской власти: *«К середине этого столетия ересь была осознана верховной властью страны как серьезная общественная опасность. Еретики не оправдывали, как это делала официальная церковь, существующие общественные порядки, а объявляли их порождением дьявола, и в этом состояла главная причина привлекательности идей богомилов для широких масс населения страны... они же учили не повиноваться господам, хулили богатых, царя ненавидели, ругали старейшин... и не велели работать на своего господина»* [4, с. 181].

Богомилы утверждали, что Сатана имеет резиденцию в Св. Софии в Константинополе. Так что «ересь быстро обрела социальный и политический характер» [4, с. 180]. По мнению Ж. Дагрона, дуалистическая богомильская ересь как «христианская субверсия, религиозная и социальная», из латентной фазы переходила в открытое восстание против византийской аккумуляции, против прямой опеки Константинополя, против роскоши аристократии и высшего скомпрометированного клира и против праздного монашества» [4, с. 180].

В Новое время гностические идеи присутствуют в социально-политической жизни Европы уже не как элемент ересей, а как элемент вполне светских и зачастую внешне чуждых религиозного иррационализма идеологий. Скажем, в философии Просвещения с присущей ей критикой структур традиционного общества само развитие этого общества (история) трактуется как «сток нечистот, где кишат преступления, совершенные родом человеческим» [5]. Просвещенческий антиисторизм парадоксальным образом оказывается сродни гностическому учению, видевшему в мире продукт усилий ложного и корыстного демиурга. «Шальной атом» Гольбаха, случайным образом продуцирующий зло и невежество и почему-то оказывающийся сильнее доброй и разумной Природы, в данном контексте выглядит как материалистическая эманация этого злого демиурга. Точно так же очевидны параллели между гностическим пафосом избранничества посвященных («пневматиков») и энциклопедистским пафосом избранничества просвещенных (просветителей).

Стоит отметить усвоение и использование элементов гностического эзотеризма тайными орденами, союзами, братствами (масоны, иллюминаты, розенкрейцеры и т.п.), выступившими в XVIII–XIX вв. как неформальные и непубличные формы органи-

зации идейно-политической жизни, что во многом и сформировало к концу XIX в. специфическую оккультно-конспирологическую массовую культуру. Не в последнюю очередь благодаря ей рецепция гностической традиции в социально-политической жизни XX в. приобретает осознанный и направленный характер, особенно в тоталитарных идеологиях.

Речь идет, в первую очередь, об использовании идей гностического эзотеризма (политическая структура как братство посвященных пневматиков) в XX в., нашедших предельное выражение в известной формуле И. В. Сталина: *«Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность»* [6]. Во-вторых, актуализируется сама концепция тайного истинного знания (гнозиса): владение организации посвященных знанием о закономерностях исторического процесса становится залогом её политического успеха.

Александр Дугин, в своем противоречивом и неоднозначном творчестве отдавший должное как увлечению радикальными политическими теориями, так и религиозно-мистическим штудиям гностического толка, напрямую возводит эволюцию крайних левых и крайних правых в XX в. к гностицизму: *«Путь левой руки» называется «гнозисом», «знанием». Он так же горек, как знание, так же порождает скорбь и холодный трагизм. Когда-то в древности, когда человечество еще придавало духовным вещам решающее значение, гностики создавали свои теории на уровне философии, доктрины, космологических мистерий, на уровне культа. Постепенно люди дегенерировали, перестали обращать внимание на сферу мысли, погрузились в физиологию, в поиск индивидуального комфорта, в быт. Но гностики не исчезли. Они перенесли спор на уровень вещей, понятных современным обывателям. Одни из них провозгласили лозунги «социальной справедливости», разработали теории классовой борьбы, коммунизма. «Таинство Софии» стало «классовой сознательностью», «борьба против злого Демидурга, творца проклятого мира» обрела характер социальных баталий. Нити древнего знания тянутся к Марксу, к Нечаеву, к Ленину, к Сталину, к Мао, к Че Геваре... Вино социалистической революции, радость бунта против сил рока, священная берсеркерская страсть к тотальному разрушению того, что черно, ради обретения нового, нездешнего Света... Другие противопоставили*

обыденности тайные энергии расы, шум крови. Против смешения, вырождения они воздвигли законы чистоты и новой сакральности, возврат к Золотому веку, Великое Возвращение. Ницше, Хайдеггер, Эвола, Гитлер, Муссолини облекли гностическую волю в национальные, расовые учения» [2, с. 101–102]. Конечно, такая точка зрения, подчеркнута провокационная, отмечена преувеличением и упрощением: гностические идеи в XX в. были востребованы отнюдь не только радикалами, однако у последних следы усвоения этих идей более очевидны как раз в силу их радикализма.

Применительно к большевизму следы гностического дискурса обнаруживает не только идеология РСДРП(б), но и религиозные искания как марксистов-богостроителей (А. В. Луначарский, А. А. Богданов, В. А. Базаров, Максим Горький), прямо ссылавшихся на протестный потенциал раннего христианства, богомилов, альбигойцев и т.п., так и их оппонентов-богоискателей. Гностическими идеями, как убедительно показал А. Эткинд, буквально пропитана русская культура Серебряного века (особенно символизм и философия всеединства), усвоившая их, с одной стороны, из популярных переложений эзотерических трактатов, с другой — из народных ересей. Во многом в гностических категориях осмыслили революционный надлом 1917 г. такие течения, как «скифство», новокрестьянская поэзия, сменовеховство. Да и в целом социально-политическая борьба в России 1900–20-х гг. несет на себе огромный отпечаток влияния гностицизма.

Схожим образом идеология нацизма не мыслима вне гностических идей, унаследованных от немецкого романтизма и оккультно-мистических течений рубежа веков. Кроме пользующихся популярностью в паранаучной литературе эзотерических обществ вроде Thule или Germanenorden, здесь следует упомянуть идеи духовного аристократизма и вождизма, культивировавшиеся Стефаном Георге и его кругом (George-Kreis). В гностическом духе Георге противопоставлял идеальную «Тайную Германию», «Тайный Рейх» — как живую духовную общность (*Gemeinschaft*) избранных государственных мужей, воинов, поэтов, мыслителей, — мало подходящей для идеализации Веймарской республике. Вероятно, этот комплекс идей в крайне упрощенном, вульгаризированном виде, вкупе с характерным для гностиков антисемитизмом был усвоен А. Гитлером у духовного отца национал-социализма — поэта, переводчика, публициста, члена *Thule* Дитриха Эккарта.

Необходимо отметить, что модная сегодня редукция нацизма, большевизма, иных радикальных политических практик до гностицизма либо гностических идей, воспринятых сквозь призму религиозного сектантства или мистического эзотеризма, ненаучна. На наш взгляд, гностические идеи неизбежно присутствуют в идейно-мировоззренческой палитре любой эпохи, интенсивность же и способ раскрытия их социально-политического потенциала определяется не самим содержанием этих идей, а наличием объективного запроса на них со стороны общества.

Художественно продуктивную попытку переориентировать гнозис с радикально-политических целей (переустройство мира) на изначальные, религиозно-этические (самоусовершенствование) представляет собой роман Анатоля Франса «Восстание ангелов» (1914). Внешняя разнесенность во времени гностицизма как исторического явления поздней античности и творчества Франса не противоречит самой идее использования гностических идей в социальной теории, выстроенной писателем в художественном пространстве романа.

Одна из особенностей философской концепции романа в том, что противостояние Иалдаваофа и восставших ангелов (которые поданы как силы революции) показано в двух плоскостях — метафизической и физической. Метафизический уровень в романе представлен в изображении произошедшего до начала времен восстания Сатаны и падших ангелов, физический — в изображении процесса мировой истории как отражения произошедшего на небе (люди и ангелы против Иалдаваофа).

Метафизический уровень, по сути, подается как экстраполяция физического, социального: *«Иалдаваоф — безвестный дух маленького, затерянного в пространстве мирка, — обманывает их, уверяя, будто он своим гласом извлек их из небытия, что он лжет, называя себя Бесконечным, Вечным и Всемогущим, что он не только не создавал миры, но даже не знает, сколько их и каким, они подчиняются законам; они увидят, что он подобен любому из них, и, проникнувшись презрением к тирану, свергнут его и низринут в геенну, куда он низринул тех, кто был достойнее его»* [7].

Сюжетно уровни также тесно переплетены, поскольку участники событий на метафизическом уровне (ангелы) спускаются в общество людей, чтобы отрезвить их и поднять на восстание

против Иалдаваофа и устройства мира, и при этом ведут себя не просто как обычные люди, но как худшие из них.

Вывод, который Сатана делает в финале романа, одинаково относится как к метафизическому, так и к физическому уровню. То есть преобразование мира невозможно, если остаться в границах этого мира, не преодолеть его. Мир, созданный Иалдаваофом, сам по себе несовершенен. Поэтому необходимо преодолеть его, чтобы победить. Подобный подход вполне соответствует свойственной гностицизму антикосмической установке.

На протяжении истории у Франса падшие ангелы выступают как культурные герои: они учат человека что-то строить, добывать, изобретать (рассказ Нектарина). Автор, вводя предысторию мятежа Люцифера, обращается к апокрифической культуре поздней античности, одним из элементов которой были гностики: *«Когда, по прошествии длинной вереницы веков, он убедился в том, что Иалдаваоф, зачавший вселенную, зачал с нею зло и смерть, он перестал поклоняться и служить ему. Любовь его обратилась в ненависть, почитание в презрение. Он изрыгнул ему в лицо хулу и проклятия и бежал на землю»* [7].

В финале романа оба эти уровня фактически объединяются во сне Сатаны и том выводе, который делает Сатана из своего сна и всех событий мировой истории: *«...победа — дух и что в нас, и только в нас самих, должны мы побороть и уничтожить Иалдаваофа»* [7]. Этот вывод относится не только непосредственно к Иалдаваофу, но и к любой власти в принципе: во сне Сатаны изображена судьба любой революции, любого бунта как такового. Откровение Сатаны переворачивает восприятие исторического революционного развития: находясь в рамках одного и того же мира, любое новое постепенно превращается в ту систему, которую пыталось перебороть. Вывод заключается в том, что надо выйти за пределы этой системы — «победить Его в себе». Мысль весьма характерна для гностического антикосмического мировоззрения. Поскольку весь этот мир и его законы на всех уровнях созданы несправедливым демиургом (Иалдаваофом), есть только один путь к изменению, к восстанию — выход за пределы этого мира, изживание его в себе, отвержение и уничтожение.

Само именование библейского Творца мира уже является прямой отсылкой к гносису, поскольку Иалдаваоф — одно из именований несправедливого божества в гностических спекуляциях. Не-

готивная оценка ветхозаветной традиции в романе отсылает нас к гностическому антикосмизму, представляющему собой скорее антииудаизм. Сближает с гностиками и симпатия героев А. Франса к эллинам и неоплатоникам, поскольку в европейской культуре гностицизм неотделим от раннего христианства и позднего эллинизма.

Литература

1. Гумилев, Л. Н. Антисистемы и альбигойская ересь / Л. Н. Гумилев // Гностики или о «лжеименном» знании.— Киев, 1997 — С. 259–279.
2. Дугин, А. Тамплиеры Пролетариата. Национал большевизм и инициация / А. Дугин.— М., 1997.
3. Корсунский, А. Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств / А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер.— М., 1984.
4. Литаврин, Г. Г. Христианство в Болгарии в 927–1018 гг. / Г. Г. Литаврин // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия.— М., 2002.
5. Огурцов, А. П. Философия науки эпохи Просвещения [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://read.newlibrary.ru/read/ogurcov_a_p_/page0/filosofija_nauki_ypohi_prosvesheniya.html.
6. Сталин, И. В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов [Электронный ресурс] / И. В. Сталин.— Режим доступа: <http://petroleks.ru/stalin/5-16.php>.
7. Франс, А. Восстание ангелов [Электронный ресурс] / А. Франс.— Режим доступа : <http://knigger.com/texts.php?bid=23135>

Г. В. Синоло

Минск, Белорусский государственный университет

Диалог с Библией как фактор новаторских поисков немецкой поэзии XVIII века

Общеизвестно, что Библия является одним из самых значимых текстов для европейской культуры, иудейско-христианской по своим основаниям. Библия — не просто книга в ряду других книг, но Книга книг; не просто текст, но Метатекст, в диалоге с которым и на полях которого (иногда в буквальном смысле) рождаются другие тексты; Вечная Книга, в которой содержатся и из которой прорастают семена других книг. Безусловно, Библия определила аксиологические поиски европейской культуры, ее религиозно-